

об отказе тулузского графа от незаконных денежных поборов на базьежском рынке (1083—1093) вслед за подписью епископа Изарна стоят подписи Рамуна Пейре, Юка Жераута, Гильема Рамуна, Гильема де Клаустре Сен-Сернен, Арнаута-Рамуна де Кастельноу, Пейре Рабиа⁴⁰. Из этих лиц только Рабиа представляет городской дворянский род, оставшийся чуждым и общественной жизни коммуны, и городским источникам богатства. Пять первых фамилий в дальнейшем активнейшим образом участвовали в жизни тулузской коммуны, их представители были в числе ранних прюдомов, свидетельствовавших первые городские вольности, а затем многократно заседали в городском капитуле-консулате.

Рядом с этими именами стоят подписи двух братьев: Арнаута-Понса и Гильема-Понса, чье родовое имя, хоть оно в первом случае написано как *Salnerius*, а во втором — как *Salnarius*, достаточно ясно говорит о своем профессиональном происхождении. Несомненно, это тулузские купцы — солеторговцы⁴¹.

Итак, в акте отречения тулузского графа от его незаконных денежных поборов на базьежском соляном рынке участвовали непосредственно заинтересованные лица из числа тулузских солеторговцев, которые в этом вопросе держали руку Сен-Сернена. Что касается остальных перечисленных здесь горожан, то можно лишь предполагать, что они не были безразличны к делам соляного рынка, а некоторые, возможно, имели к ним непосредственное отношение.

Перед нами едва ли не самое раннее появление в числе свидетелей важного акта графской власти ряда фамилий тулузских горожан, впоследствии очень влиятельных в истории тулузской коммуны. Примечательно, что здесь они выступают за 70 лет до возникновения коммунального капитула — консулата и за 40 лет до появления первых муниципальных актов, под которыми стоят подписи *probohit hominum*. Значит, еще в 80-е годы XI в., в ту пору, когда ни о какой коммунальной независимости Тулузы и речи быть не могло и горожан, даже самых богатых, господствующие феодальные силы к важным актам просто не допускали, — уже тогда к решению вопроса о соляном рынке их нельзя было не привлечь. И если в акте 1006 г. они присутствуют безымянно и лишь в отдалении (только слышат), то здесь, наряду с «*et aliis multis*», впервые появляются конкретные лица и имена, в том числе несомненных купцов-солеторговцев.

Все это дает основание заключить, что уже в XI в., в связи с ростом городского населения и развитием ремесленного потребления соли, наряду с базьежским возникает зависимый от него, но отдельный, собственно тулузский соляной рынок (*Salinum*), который требует для своего функционирования профессиональных купцов-посредников; и такие купцы уже имеются в Тулузе.

Это подтверждается последующими данными. Когда в начале XII в. базьежский соляной рынок оказался фактически захваченным Гилье-

⁴⁰ Cart S.-Sermin, № 138.

⁴¹ Ibidem. Это родовое имя и позднее неоднократно встречается в муниципальной истории Тулузы. Один из Сальнеров в 1218—1220 гг. был консулом (Cart. Bourg, № 65, 92, 91, 76, 77).